

Довгялло М.С.
ПРАЗДНОВАНИЕ ХРИСТИАНСКИХ ПРАЗДНИКОВ И ЮБИЛЕЙНЫХ ДАТ
КАК ФОРМА СОХРАНЕНИЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ
РОССИЙСКИХ ЭМИГРАНТОВ В ЕВРОПЕ В МЕЖВОЕННЫЙ ПЕРИОД

Ключевые слова: российская эмиграция, беженцы, белоэмигранты, Болгария, Королевство СХС, Югославия, Чехословакия.

История российской эмиграции в Европе – драматическая история миллионов людей, волею судеб, превращенных в беженцев-апатридов, все силы которых были направлены на физическое выживание в инокультурной среде, в то время как мысли, память и чувства большинства из них тянулись к родине. Каждый из них переживал процесс адаптации к новым условиям жизни, нормам и ценностям социальной среды. О национальном, половозрастном, социальном составе уехавших из России может сказать информация, собранная в 1922 г. в Варне. Уехали русские (95,2%), мужчины (73,3%) среднего возраста – от 17 до 55 лет (85,5%), образованные (54,2%). Среди женщин-эмигранток доля интеллигенции еще выше – 88,4% [13, с. 122]. Географически эмиграция из России была направлена, прежде всего, в страны Западной Европы.

Оказавшись в сложных условиях изгнания, большинство представителей русской науки, интеллигенции смогли продолжить свою деятельность и внести существенный вклад в развитие отечественной и мировой культуры. Известно, что эмигранты из Российской империи оказались более чем в 40 странах [4, с. 7]. В 1920-е годы русские академические группы существовали в 16 странах: в Болгарии, Польше, Королевстве сербов, хорватов и словенцев (КСХС, Югославии), Чехословакии, Турции, США и др. Чехословацкое правительство Т. Масарика пригласило из числа эмигрантов более ста профессоров и доцентов и свыше 2 тысяч студентов [2, с. 355]. В Праге работали шесть русских высших учебных заведений, научно-исследовательские структуры, библиотеки, издательства, научные общества и институты. Только с 1921 по 1930 г. ими было проведено пять съездов «академических университетов». За полтора десятка лет российскими эмигрантами было издано 7038 названий заметных в научном отношении исследовательских работ [8, с. 133]. Хотя более полно представлена в литературе деятельность ученых, находящихся в Королевстве СХС, Чехословакии, Франции.

Оказавшись за рубежом, российская эмиграция не превратилась в простую массу беженцев, а сразу же проявила тенденцию к консолидации и воссозданию за границей институтов государственной власти и общественных организаций. Были созданы Совет Послов, Особое совещание, Земгор, РОВС, возникали газеты и журналы, т. е. доминировали конструктивные процессы строительства зарубежной «России №2» [15, с. 65-66]. И особое внимание эмигрантские организации уделяли сохранению национальной идентичности молодого поколения, а также подготовке квалифицированных кадров для грядущего восстановления России. В 1920-е г. была создана сеть начальных и средних школ. В учебные планы включались предметы «Россики» (география, Закон Божий, история и литература России, пение, русский язык), отводились часы на факультативные курсы, связанные с изучением языка, литературы, истории, географии стран, где находились учебные заведения. Занятия в них не только воспитывали патриотические чувства и способствовали сохранению духовной связи с исторической родиной, но и знакомили местное население с русской культурой. На бесплатном содержании в интернатах Чехословакии находилось 90% детей русских беженцев, тогда как в Эстонии – только 6, в Финляндии – 10, в Болгарии и в КСХС – 73% [7, с. 89].

Беспорядочное бегство из России привело к распаду многих семей. Сохранившиеся семьи стали крепче, их члены чувствовали потребность сплотиться в целях самосохранения. Оказавшись в экстремальных условиях вынужденного изгнания, большинство эмигрантов стремились по возможности сохранить прежний образ жизни. Однако из-за тяжелых материальных и жилищных условий, отсутствия правового статуса и перспектив работы добиться удалось не многим. Как правило, ученые, не принимавшие активного участия в борьбе с советской властью, покидали родину вместе с семьями, и большинство ученых-эмигрантов сохранили семью. Многие гражданские беженцы трудоустроились в качестве строителей, инженеров, врачей, преподавателей или открыли свой мелкий бизнес. С 1919 по 1941 г. в югославских университетах работало более 120 российских профессоров и доцентов, в том числе в Белградском университете – более 70 [17, с. 139].

Большой вклад в процесс успешной адаптации эмигрантов из России за границей внесли Лига Наций, Верховный комиссариат по делам беженцев во главе с известным норвежским исследователем Арктики Ф. Нансенем, Международный Красный Крест и др. Нансеновская организация и проект паспорта, предложенный и одобренный 31 государством, способствовали размещению и обретению места в жизни 25 тыс. россиян, оказавшихся в Австрии, Бельгии, Болгарии, КСХС и др. странах [12, с. 59]. По данным Международного бюро труда в Европе в 1923 г. примерно 80% российских беженцев сумели найти себе работу, а 20% не имели определенных занятий [19, с. 17].

Эмигранты из России участвовали в возведении ряда электростанций, мостов, зданий. Силами 1 тыс. русских эмигрантов в Болгарии фактически была построена железная дорога Александрово – Видин. Проектированием и строительством дороги руководили генерал Курбатов, инженер-генерал Вердеревский и инженерный полковник Замраев [16, с. 291–292]. Высокий уровень трудоустройства эмигрантов в Болгарии, КСХС по сравнению со многими странами Европы стал возможен благодаря государственной и общественной поддержке беженцев из России и благожелательному отношению работодателей, которые оценивали русских эмигрантов как трудолюбивых и хорошо подготовленных работников. Только в Королевстве СХС и Чехословакии в 1920-х гг. была организована адекватная система оказания помощи беженцам из России.

В Королевстве СХС и Болгарии казаки особенно активно объединялись по месту жительства в хутора и станицы, которые сохранили старинный уклад жизни с выборными атаманами и правлением. Станицы объединили казаков, не дали им возможности распылиться. Время от времени они устраивали в Белграде и Софии съезды, на которых выбирали общественное казачье представительство. Общественная жизнь станиц и хуторов состояла в помощи нуждающимся и инвалидам, а также в проведении военных и традиционных казачьих праздников. В марте 1922 г. было утверждено «Положение об управлении станицам и хуторами за границей» [15, с. 384]. В основные задачи входили: организация бюро труда, касс взаимопомощи, защита интересов каждого беженца в отдельности, инвалидов, одиноких женщин и безработных и т.д. В 1924 г. в Париже был создан Комитет Казачьих организаций, в состав которого входило: во Франции – 31 станица, в Болгарии – 12, в Сербии – 10, в Чехословакии – 6, в Польше – 2 станицы» [15, с. 387].

Сохранению русского языка и национальных обычаев способствовали компактные эмигрантские поселения, существовавшие в разных странах. В этом случае у российских эмигрантов появлялась возможность создать свой маленький «русский мир» с православным храмом, русской школой и сохраненными национальными обычаями. Многие элементы повседневной жизни и быта русского

зарубежья (офицерские балы, детские и юношеские организации военно-спортивного типа и др.), имевшие в своей основе военную культуру, охватывали значительно более широкий социум российских диаспор. Российская военная эмиграция разработала систему символики и наград, использовавшихся организациями, которая являлась важным аспектом самоидентификации российских военных эмигрантов в контексте традиций военной культуры [10, с. 138].

Православные приходы в небольших колониях уже в 1920-е годы стали играть роль главных центров русской общины. Религиозная жизнь эмигрантов сосредоточивалась вокруг православных храмов. На Балканах русские эмигранты молились в сербских и болгарских церквях. При них открывались воскресные школы для детей, приюты и т.п. Церковные праздники (Рождество Христово, Пасха) традиционно отмечались на протяжении всего межвоенного периода. Именно приходы, по мнению многих «удержали» систему зарубежной России от распада и ассимиляции [5, с. 9–10]. Любая религия всегда апеллирует к традиции. Праздники представляют собой закрепленное реальными действиями воспоминание о значимом для конкретной религии событии. Одним из самых главных христианских праздников является Рождество Христово. Празднуется он ежегодно 7 января по юлианскому календарю. Празднованию Рождества предшествует жестко регламентированный период со множеством ограничений – пост [6, с. 177]. Праздник Пасхи представлялся одним из наиболее занимательных по самобытности традиций проведения в славянских странах. Традиция красить яйца присутствует во всех славянских странах без исключения, где находилась и русская эмиграция. Несмотря на все разнообразие и колорит празднований, для всех славянских стран Пасха – великий праздник и светлый день.

Важное значение имело религиозное воспитание в эмигрантских учебных заведениях. Закон Божий оставался приоритетной изучаемой дисциплиной. Широкое распространение получило скаутское движение, помогавшее сохранять православную веру, язык и русскую культуру в среде подрастающего поколения. Так в условиях эмиграции церковь постепенно собирала силы для того, чтобы выполнить свое предназначение.

Первоначально эмигранты открывали русские школы. У эмигрантской школы была своя специальная задача. Сохранить национальную культуру, приучить детей любить все русское, воспитать подрастающее поколение для будущей России, закалить его волю, выработать твердый характер – вот основная задача эмигрантской школы [18, с. 262]. Ученики русских школ получали знания в кружках и самодеятельных коллективах, создававшихся практически во всех эмигрантских колониях. Молодежь вливалась не только в иностранный, но и эмигрантский социум, посещая концерты, собрания, спортивные клубы диаспоры, занимаясь в русских библиотеках Праги, Белграда [11, с. 10].

Большое внимание культурная эмиграция уделяла образованию русской зарубежной молодежи. Через студенчество происходила передача традиций от старшего поколения эмиграции к младшему, включая празднование Татьянинного дня, юбилеев Московского и других университетов, чествование профессоров и др. Эмигрантское студенчество имело свои землячества в иностранных вузах. За рубежом действовали корпорации выпускников российских, а затем и эмигрантских учебных заведений [9, с. 65]. Неслучайно символом русской эмиграции не только в Чехословакии, но и во всем зарубежье стал Русский заграничный исторический архив в Праге. В Чехословакии и КСХС наиболее последовательно создавалась система русских школ, высших учебных заведений и профессиональных курсов [14, с. 78–114].

Югославия явилась единственной страной, где российская диаспора фактически стала частью местного социума [17, с. 3] и концентрация российских беженцев на территории Сербии была наибольшей. Это связано с тем, что среди жителей данной территории преобладало православное вероисповедание, а также с традиционными контактами между представителями российской и сербской элиты, которые поддерживались в течение длительного времени. Власти королевства помогали выходцам из России. Причины прагматичного характера вытекали из острой потребности молодого государства в квалифицированных специалистах. Согласно официальной статистике, в 1921 г. большинство населения королевства (75,9%) было неграмотным [20, с. 327]. Преподаватели высшей школы видели свою задачу в том, чтобы воссоздать отечественное научное сообщество, получить возможность обсуждать и публиковать научно-исследовательские труды на родном языке, обеспечивать квалифицированное преподавание и передачу научных традиций молодому поколению Русского зарубежья. Университеты дополняли усилия общеобразовательной школы по передаче подрастающему поколению традиций и достижений русской культуры.

Российская эмиграция нуждалась в ключевых культурных символах, которые могли бы сыграть роль для нового возрождения. Так произошло с именем А.С. Пушкина в культуре эмиграции, ставшим культовой фигурой, символом эмигрантской России. Так, в 1925 г. появляется новая форма национального единения – празднование «Дня русской культуры» (ДРК) в русском зарубежье. Он был единственным праздником, в котором участвовали все эмигранты, независимо от политических взглядов и места в социальной иерархии. Он помогал им сберечь историческую память и сохранить в своем сознании общность культурно-этнических корней. Впервые праздник отмечался в июне 1924 г. в Эстонии и был приурочен к 125-летней годовщине со дня рождения А.С. Пушкина. В 1925 г. День русской культуры был проведен в 12 странах, а затем превратился в ежегодный праздник, отмечаемый повсеместно в среде русской эмиграции до 1939 г. [15, с. 387–388]. В противовес празднованию Дня русской культуры правые круги эмиграции в КСХС при поддержке митрополита Русской православной церкви за рубежом (РПЦЗ) Антония стали отмечать 28 июля, день св. Владимира – крестителя Руси, день русского национального сознания. Однако этот праздник не смог конкурировать с Днем русской культуры и практически не вышел за пределы русской диаспоры в Югославии [3, с. 33].

Юбилейные даты определялись не случайно. Выбор останавливали на тех, которые были способны сплотить диаспору, вселить исторический оптимизм, напомнить о принадлежности каждого из ее представителей к великой культуре. В то же время круглые даты, напоминающие об общественных разногласиях и неудачах, как правило, оставались незамеченными: 100 лет со дня рождения Л.Н. Толстого (1928), 125 лет со дня рождения Н.В. Гоголя, 100 лет со дня смерти А.С. Пушкина (1937) и др. Наряду с ДРК в русском зарубежье отмечали еще два общих эмигрантских праздника: День непримиримости (7 ноября) и День русского просвещения (25 января). Однако они не имели такого значения, как ДРК, поскольку либо напоминали о политических разногласиях, либо касались не всех представителей диаспоры [4, с. 237].

Таким образом, празднование христианских праздников и юбилейных дат было своеобразным щитом от ностальгии, которая в той или иной степени была присуща большинству русских эмигрантов. Ежегодное празднование Рождества, Пасхи, ДРК своего рода как-бы приближало к изгнанникам их Родины, вселяло надежду на встречу с нею. Оказавшиеся из-за раскола в изгнании эмигранты в 20–30-х годах жили с мечтами о новой России, в которую они когда-нибудь вернутся.

В августе 1991 г. на Первом конгрессе соотечественников, проходившем в Москве, представители российского правительства и Верховного Совета СССР подчеркнули, что теперь «нет никаких различий между волнами русской эмиграции, все они – наши соотечественники и деление эмиграции на прогрессивную – нейтралистскую – реакционную теряет всякий смысл [9].

1. Бирюкова, К.В. Российские студенческие союзы в Центральной и Восточной Европе в 1920–1930-е гг. / К.В. Бирюкова. – М.: [б. и.], 2004. – 109 с.
2. Борисов В.П. Формирование научного центра российской эмиграции в Чехословакии между двумя мировыми войнами. Результаты и перспективы исследований / В. П. Борисов, В. А. Волков, М. В. Куликова // Фонды Славянской библиотеки и пражских архивов: сб. докладов международной конференции: в 2 ч. – Ч.1. – Прага, 1995. – 534 с.
3. Будницкий, О.В. Другая Россия: Исследования по истории русской эмиграции / О.В. Будницкий. – М.: Новое литературное обозрение, 2021. – 632 с.
4. Волошина, В.Ю. Вырванные из родной почвы. Социальная адаптация российских ученых-эмигрантов в 1920–1930-е годы: монография / В.Ю. Волошина. – М.: Форум, 2013. – 448 с.
5. Даватц, В.Х. Годы: Очерки пятилетней борьбы / В.Х. Даватц. – Белград, 1926. – 238 с.
6. Деревянко, Т.М. Пасха и Великий Пост / Т.М. Деревянко. – М.: АСТ-Пресс, 2011. – 304 с.
7. Зарубежная русская школа. 1920–1924. – Париж: изд-во Земгора, 1924. – 278 с.
8. Ковалевский, П.Е. Зарубежная Россия: История и культурно-просветительская работа русского зарубежья за полвека. 1920–1970 гг. / П.Е. Ковалевский. – Т. 1. – Париж, 1971. – 347 с.
9. Матюхин, П. Судьбы эмиграции / П. Матюхин // Вечерняя Москва. – 1992. – 21 февраля. – С. 3.
10. Парчевский, К.К. По русским углам: [очерки] / К.К. Парчевский. – М.: ИВИ РАН, 2002. – 202 с.
11. Петров, В. Русские в Америке. XX век / В. Петров. – Вашингтон, 1992. – 160 с.
12. Пушкарева, Н.Л. Возникновение и формирование российской диаспоры за рубежом / Н.Л. Пушкарева // Отечественная история. – 1996. – №1. – С. 53–69.
13. Романовский, В.К. История российской эмиграции: учебное пособие / В.К. Романовский. – М.: Прометей, 2022. – 254 с.
14. Российская эмиграция в Турции, Юго-Восточной и Центральной Европе 20-х годов (гражданские беженцы, армия, учебные заведения): учеб. пособие / Е.И. Пивовар [и др.]. – М.: РГГУ, 1994. – 117 с.
15. Россия в изгнании. Судьбы российских эмигрантов за рубежом / Е.И. Пивовар [и др.]. – М.: ИВИ РАН, 1999. – 458 с.
16. Русская военная эмиграция 20–40-х годов XX века. Документы и материалы. Раскол, 1924–1925 гг. – М.: РГГУ, 2010. – Т.5. – 770 с.
17. Русская эмиграция в Югославии: [сб. ст.] / [редкол.: А. Арсеньев [и др.]]. – М.: Индрик, 1996. – 350 с.
18. Русские без Отечества: Очерки антибольшевистской эмиграции 20–40-х годов. – М.: РГГУ, 2000. – 497 с.
19. Серапионова, Е.П. Российская эмиграция в Чехословацкой Республике (20–30-е годы) / Е.П. Серапионова. – М.: ИСБ, 1995. – 196 с.
20. Тесемников, А. В. Белград как один из научных центров российского зарубежья / А. В. Тесемников // Культурное наследие российской эмиграции, 1917–1940. – Кн. 1. – М., 1994. – 536 с.

Дрожжа Л.Ч., Костюкевич Н.Г., Давуд Д.В., Тарновский Д.В.
ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ОРГАНИЗАЦИИ УЧЕТА И ХРАНЕНИЯ
ЦИФРОВЫХ КОПИЙ АРХИВНЫХ ДОКУМЕНТОВ В ФОНДЕ ЦИФРОВЫХ КОПИЙ

Ключевые слова: государственные архивы; архивные документы; цифровые копии архивных документов; фонд цифровых копий архивных документов.

Цифровой фонд государственных архивов в настоящее время составляют цифровые копии архивных документов (далее – ЦКАД), изготовленные специализированными лабораториями или государственными архивами путем сканирования или цифровой фотосъемки архивных документов. ЦКАД хранятся в государственных архивах и Фонде цифровых копий архивных документов (далее – ФЦК).

ФЦК был создан в соответствии с приказом Председателя Комитета по архивам и делопроизводству при Совете Министров Республики Беларусь от 22 июня 2005 г. № 28 «О создании Фонда цифровых копий архивных документов» и размещается территориально обособленно от архивных документов, с которых выполнены цифровые копии, на базе государственного учреждения «Белорусский научно-исследовательский центр электронной документации» Департамента по архивам и делопроизводству Министерства юстиции Республики Беларусь (далее – БелНИЦЭД).